

КАЛИБР

A man in a dark suit is seen from behind, sitting on a rooftop terrace. He is holding an acoustic guitar that has a glowing orange light around its body. The terrace has a glass railing. In the background, a city skyline is visible under a sunset sky with orange and purple hues. The scene is overlaid with white circuit board patterns.

Евгений Павлов

Евгений Павлов

Калибр

<https://litres.ru/73592911>

SelfPub; 2026

Аннотация

Денис образцовый учитель литературы. Он всегда спокоен, всегда продуктивен, всегда под контролем. Семнадцать лет назад нейроимплант Калибр избавил его от страха, гнева и печали, сделав идеальным педагогом.

А в старой кладовке пылится гитара, которую когда-то оставил ему отец. Сын Илья находит дневник деда, и вопросы, которые Денис боялся задать себе, вдруг требуют ответа.

Калибр это твёрдая научная фантастика о цене идеального контроля, социальном давлении и тихой силе отцовской любви. Для тех, кто верит, что даже в мире, где эмоции можно запрограммировать, настоящая жизнь всегда пробивается сквозь любые настройки.

Содержание

Утро	4
Урок литературы	8
Учительская	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Калибр

Утро

Будильник сработал ровно в 6:30. Денис открыл глаза – ни секундой раньше, ни позже. В комнате было серо, шторы не пропускали уличного света, потому что уличного света ещё не существовало. Только квадрат окна, затянутый непроглядной мартовской темнотой.

Он потянулся, сел, нащупал на тумбочке обруч зарядки. Холодный пластик коснулся висков, на секунду зажужжал – индикатор на панели загорелся зелёным. Денис надел тапки, пошёл на кухню, не включая свет. За шестнадцать лет он знал эту квартиру на ощупь: четыре шага до двери, поворот, ещё семь до стойки.

Кофе – две ложки, вода – девяносто градусов, таймер на три минуты. Пока заваривалось, он взял телефон. Сводка:

- > Уровень кортизола за ночь: 2.1 нмоль/л (референс 1.8–3.2)
- > Количество подавленных эпизодов: 0
- > Энергопотребление процессора за 8 ч: 38 мВт

> Статус: норм

Он удовлетворённо кивнул, отпил кофе. Горячий, терпкий. Можно было бы добавить корицу, но корица – это лишнее движение, лишний выбор. Он пил чёрный.

В углу кухни, прикрытая старым пледом, стояла гитара в потёртом чехле. Денис заметил её краем глаза – так же, как замечал каждое утро. Чехол был зелёным, когда-то ярким, теперь выцвел до болотного. Он не помнил, когда в последний раз его открывал. Может, три года назад. Может, пять. Всё собирался настроить, но вечно не хватало времени.

Он отвернулся к окну. За стеклом начинало сереть. Денис допил кофе, ополоснул чашку, поставил в сушилку доннышком вверх. Аккуратно, ровно, без звона.

Когда он проходил мимо гитары, пальцы сами собой дёрнулись – привычка, оставшаяся с тех лет, когда он мог взять инструмент, не думая. Сейчас он просто сжал ладонь в кулак и убрал в карман халата.

Из ванной потянуло паром. Он включил воду, подождал, пока пойдёт горячая. В зеркале – его лицо: чисто выбритое, без морщин, без следов бессонницы. Волосы аккуратно зачёсаны, седина только на висках, ровными прядями. Кто-то

сказал бы – благородная седина. Денис думал иначе: просто пигментация.

Он сделал три медленных вдоха – так, как научили на первом инструктаже, когда только поставили имплант. Три вдоха, чтобы настроиться. В лёгкие вошёл влажный воздух, пульс выровнялся сам собой, без усилий. Он даже не заметил, как именно это произошло: просто в какой-то момент стало ровно.

Оделся в тёмно-синий пиджак, серые брюки, белую рубашку – без вариантов. Галстук завязал двойным узлом, поправил, проверил, чтобы кончик доставал ровно до пряжки ремня.

Телефон пиликнул напоминанием: «9:00 – урок. 11 «А». Анна Каренина».

Денис взял портфель, ключи. Выходя, бросил последний взгляд на гитару. Плед сполз с угла чехла, обнажив кусок зелёной ткани.

Он не поправил.

Дверь закрылась бесшумно – доводчик сработал идеально. В подъезде горел ровный белый свет, без мерцания. Лифт

спустился на первый этаж за семь секунд. На улице моросило, но Денис не достал зонт: капли попадали на лицо, и он чувствовал только прохладу, без раздражения. Три вдоха – и он уже думал о плане урока.

Волна поднялась где-то в груди, когда он вспомнил гитару, но схлынула, не успев захлестнуть.

Урок литературы

Коридор школы пахнет дешёвым моющим средством и жареными пирожками из столовой. Денис идёт ровным шагом, мимо досок объявлений, мимо стендов с грамотами, мимо охранника, который кивает ему – он кивает в ответ. Всё как всегда.

У дверей 11 «А» он останавливается на секунду. Делает три вдоха. Плечи опускаются. Он толкает дверь.

Класс гудит ровно на той грани, когда шум ещё не стал криком. В третьем ряду кто-то пишет записку, на первой парте девочка зевает, прикрывая рот ладонью. При появлении Дениса гул не стихает – стихает ровно на треть. Первыми выключаются калиброванные. Их четверо.

Алексей сидит у окна, прямой, как линейка. Денис помнит его в восьмом классе: вечно в синяках, с разбитыми костяшками, вечно кому-то что-то доказывающий кулаками. Теперь от той драчливости не осталось и следа – только спокойные глаза и руки, сложенные на парте.

Рядом с ним Егор. Раньше он сутулился, поправлял очки,

прятал взгляд за стёклами. Сейчас очки снял – зрение поправили ещё до импланта, – плечи расправил, форму носит как спортсмен.

Соня – первый ряд, у доски. Год назад она была отличницей, которая панически боялась отвечать. Голос дрожал, руки тряслись. Теперь её волосы гладко зачёсаны, взгляд устремлён в одну точку, и голоса она не повышает, но и не понижает – держит ровно.

Данила – у противоположной стены, под портретом Цветаевой. Он всегда был тихим, но теперь его тишина стала плотной, весомой.

Четверо. Денис знает их имена, знает историю каждого, но в голове они всё равно хранятся по успеваемости. Это не специально – просто так удобнее.

Остальные – остальные не выключаются. Девочка на второй парте догрызает яблоко, пряча огрызок в пенал. Парень у окна рисует на полях тетради дракона. Кто-то перешёптывается, кто-то смотрит в телефон под партой. Обычный класс. Живой.

– Доброе утро, – говорит Денис ровно.

– Доброе утро, Денис Сергеевич, – отвечают калиброванные. Остальные подхватывают нестройно, кто-то зевает.

– Садитесь.

Он включает интерактивную доску. На ней появляется портрет: молодая женщина в чёрном платье, на заднем плане – поезд.

– Анна Каренина, – произносит Денис. – Роман Льва Толстого. Сегодня мы разбираем образ главной героини. Кто начнёт?

Руку поднимает Соня. Денис кивает.

– Анна – жертва общественной морали, – говорит она заученно. – Толстой показывает, как светское общество разрушает личность, не способную приспособиться к лицемерию.

– Хорошо. Добавьте про исторический контекст.

Она добавляет. Гладко, без запинки. Денис слушает краем уха, краем сознания отмечая, что его дыхание ровное, пульс – пятьдесят восемь. Он мог бы закрыть глаза и перечислить всё, что она скажет, потому что сам учил её этому. Слова падают в тишину, как монетки в копилку.

Краем глаза он замечает, как Алексей ловит взгляд Егора, и тот чуть заметно кивает – поддержка, мол, нормально ответил. Они всегда так. Денис не помнит, чтобы они ссорились. Вообще. С тех пор как оба поставили имплант.

Когда Соня заканчивает, Денис делает пометку в журнале.

– Спасибо. Кто добавит что-то ещё?

Руку поднимает Данила. Он добавляет про символику железной дороги. Всё правильно, всё по учебнику. Денис кивает, снова делает пометку.

В третьем ряду девочка с короткой стрижкой – Кузнецова – не пишет, не рисует, просто смотрит на него. В упор. На прошлом уроке она спросила «как вы думаете, почему она бросилась под поезд?», и он ответил, что это не по программе.

Сейчас она не поднимает руки. Только смотрит. Её пальцы теребят край тетради. Рядом подруга что-то шепчет ей на ухо, она не отводит взгляда.

Денис чувствует, как где-то внутри – глубоко, под слоями спокойствия – шевелится что-то. Не вопрос, не раздражение.

Просто... присутствие. Он делает три вдоха, незаметно, ровно настолько, чтобы пульс остался пятьдесят восемь.

– Кузнецова, у вас есть дополнение?

Она встаёт. Медленно, как будто решаясь. Подруга сзади тихонько её подталкивает.

– Денис Сергеевич, а вы верите, что она могла поступить иначе?

– В каком смысле?

– Ну... не бросаться под поезд. Уехать. Начать новую жизнь. Просто... взять и не умереть.

Кто-то за спиной тихо смеётся. Кузнецова краснеет, но не садится. Денис поднимает ладонь – жест, который всегда работает. Тишина становится плотной.

– Роман написан в 1877 году, – говорит он. – Для женщины того времени развод означал социальную смерть. Она потеряла бы сына, положение, средства к существованию.

– Но она могла бы... не знаю... работать? Учительницей, например.

Денис смотрит на неё. Её лицо – живое, с румянцем, с неправильными бровями. Она не калиброванная, и это заметно по всему: по тому, как она стоит, как дышит, как её голос чуть дрожит. Рядом подруга замерла, перестала жевать яблоко. Кто-то из мальчишек оторвался от рисования дракона.

Он мог бы сказать, что это не по программе. Он почти говорит. Но в груди снова шевелится то, чему имплант не даёт развернуться.

– Работа учительницы в те годы не давала женщине ни уважения, ни независимости, – говорит он ровно. – Но вопрос, кажется, не об этом.

Она молчит. Класс молчит. Денис чувствует напряжение – не своё, а их. Они ждут, что он скажет что-то ещё. Что сделает урок живым. Он знает это ожидание, потому что когда-то, семнадцать лет назад, он сам его создавал. Тогда он мог рассмеяться, мог сказать что-то не по программе, мог прочитать стихи так, что девчонки в первом ряду вытирали глаза.

Сейчас он делает три вдоха.

– Кузнецова, если вас интересует альтернативная интерпретация, рекомендую критическую статью Николая Михайловского. Она есть в электронной библиотеке. После урока я скину ссылку.

Она медленно садится. В её глазах – разочарование. Не гнев, не обида. Просто разочарование. Подруга шепчет ей что-то утешительное, но она не слушает.

– Продолжим. Следующий вопрос: роль железной дороги в романе. Алексей?

Алексей отвечает. Чётко, структурированно. Денис слушает, кивает, делает пометки. Когда Алексей заканчивает, он переводит взгляд на Егора.

– Егор, добавьте про зеркальный повтор в сцене смерти.

Егор встаёт. Говорит коротко, по делу. Его голос – низкий, спокойный. Денис замечает, как Алексей смотрит на друга – с чем-то похожим на гордость.

Звенит звонок. Класс оживает. Калиброванные аккуратно собирают вещи, выходят спокойно. Остальные – быстрее, с шумом, с толкотнёй у двери. Кузнецова задерживается, перекладывает тетради. Денис не поднимает головы, заполняет

журнал.

– Денис Сергеевич?

Он поднимает взгляд. Она стоит у стола, подруга ждёт в дверях, переминается.

– Вы сегодня хорошо объяснили. Всё понятно. Только...

– Что?

Она мнётся.

– Ничего. Спасибо.

И выходит. Денис смотрит ей вслед. В коридоре шумно, кто-то смеётся, кто-то кричит. Он сидит неподвижно, чувствуя, как в груди всё ещё теплится то, что не смог подавить имплант. Какая-то мелочь. Ерунда.

Он закрывает журнал, встаёт. У выхода из класса его догоняют Алексей и Егор – они, видимо, ждали в коридоре.

– Денис Сергеевич, – кивает Алексей.

– Вы сегодня хорошо объяснили, – добавляет Егор. – Про

железную дорогу. Я не задумывался.

Денис смотрит на них. Целеустремлённые. Уверенные. Гордость школы, говорят коллеги. Алексей – бывший хулиган, теперь отличник. Егор – бывший ботаник, теперь с идеальной осанкой. Они нашли друг в друге то, чего не хватало каждому, и теперь их часто видят вместе – на переменах, в столовой, на школьном стадионе.

– Рад, что вам было интересно, – говорит он ровно.

Они ждут ещё что-то? Может, вопроса? Может, одобрения? Денис не знает. Он просто стоит, и пульс у него пятьдесят восемь, и дыхание ровное, и в груди – ничего.

– До свидания, Денис Сергеевич, – говорит Алексей.

– До свидания.

Они уходят. Денис смотрит им вслед. Они идут рядом, не переговариваясь, но Денис видит, как Алексей чуть касается плеча Егора – жест, который у них, наверное, что-то значит. Он не оборачивается. Он идёт по коридору к учительской, и в голове уже складывается план следующего урока: образ Вронского, домашнее сочинение, контрольная через две недели.

Всё по плану.

Он делает три вдоха. Пульс – пятьдесят восемь. Всё в порядке.

Только где-то там, глубоко, под слоями спокойствия, остаётся странное ощущение – будто он смотрит на свою жизнь через стекло. Чистое, прозрачное, идеально вымытое стекло. И мир по ту сторону – живой, шумный, неправильный – никак не может пробиться сквозь него.

Учительская

В учительской пахло кофе и старыми книгами. Светлана Павловна уже сидела за столом, пододвинув к себе две чашки.

– Садись, – сказала она, кивнув на стул напротив. – Я сварила. Не растворимый, настоящий. Имей совесть – выпей.

Денис сел. Чашка была горячей, с мелкими трещинками на глазури. Он сделал глоток. Крепкий, с корицей. Светлана Павловна смотрела на него с лёгкой улыбкой, и он заметил, как она изменилась за последние полгода. Раньше она была круглой, сутулой, с вечно уставшими глазами. Теперь лицо осунулось, но не болезненно – будто с него сняли лишний слой. И глаза блестели. Она поправила воротник блузки, и Денис поймал себя на том, что смотрит на неё дольше, чем обычно позволял себе.

– Ты сегодня какой-то... – она подбирала слово, – задумчивый. Урок не пошёл?

– Всё по плану.

– План – это хорошо. Но ты выглядишь так, будто не спишь.

– Сплю. Восемь часов.

– Восемь часов сна и ноль эмоций. Я тебя знаю.

Она отхлебнула кофе, и Денис увидел, как её пальцы – раньше они были пухлыми, с обкусанными ногтями – теперь аккуратно покрашены, ухожены. Она перехватила его взгляд.

– Что, заметил? – спросила она без кокетства, скорее с гордостью. – Десять килограмм. За полгода. Без диет, без фитнеса. Просто перестала жрать по ночам и вставать к холодильнику.

– Это имплант?

– А что же ещё. – Она поставила чашку, сложила руки на груди. – Ты знаешь, я всю жизнь боролась с этим. Сначала диеты, потом таблетки, потом психотерапевты. Говорили: «у вас эмоциональное переедание, вам нужно проработать детские травмы». Я прорабатывала. Годами. А оно не проходило. Ночью вставала, шла к холодильнику, ела, плакала, утром ненавидела себя. Замкнутый круг.

Она посмотрела на свои руки.

– А с имплантом – всё. Первый месяц я ждала, что сорвусь. Но не срывалась. Не потому, что была сильная. Просто... волна поднимается, а ты не захлёбываешься. Три вдоха – и всё. И через полгода я встаю на весы и понимаю: у меня нет лишнего веса. Вообще. Впервые в жизни.

– Поздравляю, – сказал Денис. Он хотел добавить что-то ещё, но слова застряли.

– Мужики смотреть начали, – усмехнулась Светлана Павловна. – Муж мой, который меня десять лет не замечал, вдруг комплименты дарит. На работе аттестацию на высшую категорию прошла. Дочь говорит: «мам, ты расцвела». Я и правда расцвела. Знаешь, что самое смешное?

– Что?

– Я не прилагаю усилий. Совсем. Раньше я думала, что дисциплина – это когда ты себя заставляешь. Когда воли нет, а ты её выковыриваешь из себя по кусочкам. А с имплантом... просто делаешь то, что нужно, и всё. Не потому, что боишься сорваться. Потому что не сорвёшься. Это как... как дышать.

Она откинулась на спинку стула, довольно улыбнулась.

– Я теперь понимаю, каково это – быть эффективной. Удобной. Правильной. Ты же с этим живёшь шестнадцать лет. Скажи, это круто?

Денис молчал. Он смотрел на её улыбку, на её новое лицо, на её руки, которые перестали дрожать. И чувствовал ровно то, что должен был чувствовать: спокойствие, нейтральный фон, отсутствие зависти или радости. Имплант держал его ровно. Но где-то там, под этим ровным фоном, было пусто. Не тоска, не горечь. Просто пустота.

– Круто, – сказал он.

Она нахмурилась, вглядываясь в его лицо.

– Денис, у тебя всё в порядке?

– В порядке.

– Ты так говоришь, как будто... не знаю. Как будто ты не здесь.

– Я здесь. Просто...

Он замолчал. Сделал три вдоха. Пульс – пятьдесят восемь. Спокойно.

– Просто что?

– Ты спросила про счастье.

– А, это. Ну да. Ты счастлив?

Он не ответил. Вместо этого он посмотрел в окно. Учительская на втором этаже, окна выходят во двор. Там, на асфальтовой дорожке, парень в наушниках катался на роликах. За ним бежала собака – рыжая, лохматая, с высунутым языком. Парень поворачивал, собака поворачивала, они носились по кругу, и собака лаяла от восторга, а парень смеялся. Денис смотрел на них, и в груди снова шевельнулось что-то – слабо, почти незаметно.

– Ты видишь? – спросил он.

Светлана Павловна подошла к окну.

– А, этот. – Она проследила за его взглядом. – Катается каждый день. На базовом доходе, наверное. Молодой, здоровый, а мог бы работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.